

Светлана
Файзрахманова

Г
ИМНАЗИСТКИ

Книга третъя.

Сен-Дени

Гимназистки

Светлана Файзрахманова

Гимназистки Книга 3 Сен-Дени

«Автор»

2026

Файзрахманова С.

Гимназистки Книга 3 Сен-Дени / С. Файзрахманова — «Автор»,
2026 — (Гимназистки)

Три подруги внезапно оказываются в коме. Приходят в себя они в 1894 году. Вместо современного Кирова -- старинная Вятка. Скоро грянет революция, гражданская война. Но это их новая реальность. Так эта история начинается. А прямо сейчас они бегут во Францию. От надвигающейся революции до оккультных кругов Европы — они ищут колдуна. Но тень колдуна-Орочена становится всё ближе. Пора уже избавиться от него.

Содержание

Глава 1 В дороге	5
Глава 2 Железные кони	8
Глава 3 Неприятности	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Светлана Файзрахманова

Гимназистки Книга 3 Сен-Дени

Глава 1 В дороге

Поезд отстукивал версту за верстой. До Парижа было чуть ближе, чем до Китая — шутка, конечно, но в этой бесконечной дороге шутки казались единственным спасением от тоски. Наша дружная компания ехала где-то посередине пути, между прошлым, которое осталось в России, и будущим, которое ждало во Франции.

Мы с подругами собрались в купе — мозговой штурм вместо любования пейзажами за окном, планы вместо укачивания детей. Не будем отбирать хлеб у нянюшек.

Наши мужчины, почуяв неладное, втиснулись в тесное пространство моего купе, заполнив его своим присутствием и любопытством. Я недовольно поджала губы — опять лишились возможности пошептаться, обсудить то, что обсуждается только между девочками. Точнее девочками-попаданками.

— Послушайте, — барон Медякин, самый старший и умудрённый, разгладил усы. — Мы считаем, что вы провидицы. Нельзя побывать в коме несколько часов и запомнить всё, что вы видели в будущем. Мы думаем, вы и сейчас что-то такое видите. И Кровавое воскресенье предсказали и то, что будет дальше. И, думаю, выражу общую мысль: мы на вашей стороне. Вы наши жёны, уж какие достались.

В его голосе не было насмешки — только принятие неизбежного.

— Но мы не в обиде, — вклинился Марк, покосившись на Танюшу. Мало ли, ему ведь ещё с ней спать, жить, детей растить в конце-то концов.

— Ну подумаешь, жена — ведьма. Так вон и у барона Медякина, и у князя Оболенского тоже... кхм... не ангелы.

— Мы хотим участвовать в ваших обсуждениях, — закончил Медякин.

Я вздохнула. Делать нечего. Мы с подругами подвинулись, уступая места нашим мужьям.

Итак, нас ждал Сен-Дени. А то, что мы хотели обсудить на самом деле, придется оставить на потом.

— Чем будем заниматься во Франции? — спросила я. Вопрос волновал всех.

— А буду разводить лошадей, — помечтал Александр. — Рысаки нынче в моде.

— Нет, — сказала я твёрдо, без колебаний. — Скоро грянет гражданская война, и всех лошадей национализируют.

— Что сделают?

— Отберут. В пользу государства, безвозмездно. Это слово, надеюсь, не нужно объяснять?

— Нет, это значит бесплатно.

— Хочешь подарить французам своих рысаков?

Александр скривился, задумался. — Но как же мы будем жить?

Барон усмехнулся. Он первым понял, какое сокровище ему досталось в жёны, Наташа видит наперед, все, что будет.

— Будем содержать парк машин пока, а потом перед войной выгодно распродадим, — предложила я.

— Я не умею ездить на этом «железе».

— Танюша научит.

Пинок под столом был предсказуем. Я потеряла ногу, показала подруге язык.

— Но она сама не умеет ездить! — ужаснулся Марк.

— Кто тебе это сказал? — пошла я ва-банк. Не стала говорить о водительском стаже подруги из другой жизни.

— Таня? — Марк перевёл на жену неверящий взгляд.

— Я умею ездить, да, — сказала Татьяна, глядя мужу в глаза. — Брала уроки.

Марк молчал, обдумывал наверное, какие сюрпризы еще приготовила для него жена.

— Мы займёмся сыском, — объявил барон, переглянувшись с Наташей. — Жена не против. А я без её согласия с некоторых пор не принимаю важных решений.

— Я открою аптекарскую лавку, — сказала Хельга. Пекка молчал — раздумывал как будет ходить с женой и Вацлавом в лес. Они с сыном на охоту, а жена за травмами. Катаржину Хельга пока что с собой не брала, девочка водилась с младшим Михелем.

— Я займусь селекцией, — Татьяна многозначительно посмотрела на Чарли. Тот понимающе завил хвостом.

— А у меня есть идеи для новой книги. Ну что, все при деле? — Я оглядела собравшихся. — Расходитесь по купе. Мы с Сашей хотим отдохнуть.

Выгнала толпу из временного обиталища. Мы остались с мужем вдвоём в в медитативно-качающемся вагоне.

***

Франция, 1903 год.

Не успели мы обжиться в Сен-Дени — маленьком уютном пригороде Парижа, как на меня обрушилось горе вселенского масштаба. Зуб. Зуб мудрости, атавизм, пережиток прошлого, изводил меня целую неделю. А это не двадцать первый век с его обезболиванием, современными бормашинами и световыми пломбами. Капец.

— А-а-а-а! — вопила я, вцепившись в подлокотники кресла.

— Madame, тише, умоляю! — интеллигентно морщился месье Дробуа, потрясая перед моим лицом инструментом, напоминающим слесарные пассатижи. — Вы распугаете пациентов.

— Мне страшно!

Доктор двинул пассатижи к моему рту. Никакой современной анестезии, в лучшем случае опий. Хотя... у меня есть Хельга. Зуб вырвать не может, но обезболить — в состоянии.

— Тебе больно? — удивлённо склонилась ко мне травница, анестезиолог и группа поддержки в одном лице. — Странно, я же всё обезболила. Эта травка очень сильная.

— Нет, не больно... пока, — прошептала я, икая от слёз. — Он ведь ещё даже не начал. Я просто вспомнила, как это было...

— Было когда, madame? — врач заглянул в рот. — У вас идеальные зубы, ни одного вырванного. Первый раз у дантиста.

Пришлось импровизировать, чтобы не ляпнуть про керамические виниры.

— Было у мамы. Ей долго не удаляли зуб мудрости, он воспалился...

— У мамы? В прошлом веке? — снисходительно улыбнулся Дробуа. — Успокойтесь, сейчас современные технологии, двадцатый век! Всё будет быстро и почти безболезненно.

«Современные технологии...» Я посмотрела на пассатижи, закрыла глаза.

— Ага, давайте, док. Дерите.

Хруст, от которого, казалось, треснула вселенная, разнесся по кабинету. И вот он — многострадальный виновник торжества на льняной салфетке. Хельга победно улыбалась.

Она проводила меня до дома, напоила успокоительным чаем, уложила спать.

— Хуже маленькой, — покачала головой Хельга. — Какой пример ты подаёшь детям.

Я молчала, крыть было нечем.

***

Тихая жизнь, о которой мечтали, покинув смутную Россию, стала реальностью. Мы сбежали вовремя, пока еще основная волна эмигрантов не накрыла Париж.

Наше убежище в Сен-Дени превратилось в анклав будущего в прошлом. Каждый нашёл свое дело.

“Русское сыскное агентство”.

Наталья вела бухгалтерию, сводила дебет с кредитом. Барон искал заказы и налаживал связи с французской полицией. Марк возглавил криминалистическую лабораторию. Александр обеспечивал силовую поддержку. Он же хоть и бывший, но военный.

С транспортом тоже освоился быстро.

Пекка стал сыскарем — выслеживать и вынюхивать было его.

Татьяна открыла питомник для разведения такс. Никто не догадывался, что её лучшие собаки были не совсем собаками. Хельга — открыла лавку трав. Её познания в «народных» рецептах творили чудеса. Я давала жизнь новым произведениям от имени Софи Руссо.

Дети росли в уникальной атмосфере, впитывая культуру Belle Époque и наши, инородные для этого времени знания.

Эрик, сын Татьяны, играл с фамильяром Джери, понимавшим его с полуслова, умевшим становиться невидимым, таскал для него пирожные с кухни, чем радовал своего маленького хозяина. Разведение фамильяров для нашей растущей семьи стало не забавой, а необходимостью. В этом мире нам нужны были свои защитники.

Глава 2 Железные кони

Александр Оболенский стоял посреди огромного сарая на окраине Сен-Дени и чувствовал себя монументальным идиотом. Сарай — нет, гараж, как с пугающей серьезностью настаивала Светлана — подавлял своими размерами. Высокие потолки, теряющиеся в полумраке, голые кирпичные стены и земляной пол, который накануне засыпали толстым слоем хрустящего гравия. Через широкие, распахнутые настежь ворота лился скупой осенний свет, безжалобно обнажая абсолютную пустоту.

«Парк машин», — горько усмехнулся он про себя, пнув носком сапога серый камешек. Пока что весь этот «парк» состоял из него самого, отставного кавалериста, и смутного, сосущего под ложечкой ощущения, что жена втянула его в очередную, на сей раз поистине дьявольскую, авантюру.

Но слово офицера было дано. И князь Оболенский привык держать его, даже если для этого требовалось пересечь с живого скакуна на громыхающую железную телегу.

***

Первым делом требовалось добыть самих «коней». Александр отправился в сердце Парижа, в автосалон на Елисейских полях. Мир автомобилей 1903 года обрушился на него какофонией звуков и лязгом металла: здесь правили балом не сено и кожаная упряжь, а горячее касторовое масло, едкий бензин и очень большие деньги.

Сверкающие латуню и лаком экипажи без лошадей казались инопланетными механизмами.

«Panhard & Levassor» — титаны дорог. Массивные, с классической компоновкой *Systeme Panhard* (двигатель спереди, цепной привод на задние колеса). Символ неоспоримого статуса и агрессивной мощи. Александр придиричиво осмотрел модель Type A2 в двенадцать лошадиных сил. Цена заставила его мысленно присвистнуть — за эти деньги можно было вооружить и посадить на коней небольшой эскадрон.

«Renault» — элегантные новаторы. Модель Renault Type K с обтекаемым кузовом «торпедо» и характерным боковым расположением радиаторов выглядела стремительно. Карданный вал вместо лязгающей цепи. Светлана предупреждала: «Бери то, что легче в обслуживании и не требует постоянной смазки открытых узлов».

«De Dion-Bouton» — маленькие, юркие, почти игрушечные коляски с легендарными высокооборотистыми одноцилиндровыми двигателями. Дешёвые в эксплуатации, но на вид — сущие этажерки.

Александр провёл в салоне три часа. Его вопросы, заданные рубленным военным тоном, вгоняли продавца, месье Жирара, в состояние легкого ступора: «Каков ресурс пневматических шин Michelin на щебне?», «Как быстро закипает вода в радиаторе на затяжном подъеме?», «Какова вероятность обратного удара рукоятки при запуске?».

В итоге стратегия кавалериста взяла верх над сомнениями:

Panhard & Levassor Type A2 (1903) — глубокого чёрного цвета, с кроваво-красной кожей салона и сияющими карбидными фарами. Тяжеловес для представительских целей.

Renault Type K (1902) — цвета берлинской лазури, открытый, с лобовым стеклом. Надежный курьер для ежедневных нужд.

De Dion-Bouton Type Q (1903) — тёмно-зелёный, 6 л.с. — тренировочный снаряд, который не так жалко разбить.

Месье Жирар, вытирая испарину со лба, подсчитал астрономическую сумму.

— Месье Оболенский, осмелюсь предложить услуги нашего лучшего шофёра... — начал он.

— Отставить, — твёрдо прервал его Александр. — Мне потребуется не извозчик. Мне потребуется инструктор.

***

Инструктор нашелся быстро. Жан-Клод Моро, бывший механик заводской гоночной команды, выглядел как человек, переживший взрыв на мануфактуре. Ему было около сорока, его руки покрывали белесые шрамы от ожогов и ввевшаяся в поры графитовая смазка, а взгляд был спокоен той пугающей философичностью, что бывает у саперов и укротителей тигров.

Они встретились в гараже, когда три автомобиля уже стояли в ряд, хищно поблескивая лаком в полутьме.

— Вы когда-нибудь управляли самодвижущимся экипажем, Ваше Сиятельство? — спросил Жан-Клод, поглаживая латунный клаксон «Де Диона».

— Кавалерийским строем. И орудийным расчётом в бою, — сухо ответил Александр. — Это считается?

Жан-Клод криво усмехнулся.

— Считается, что у вас стальные нервы. Это пригодится. У лошади есть инстинкт самосохранения, месье. Она не прыгнет в пропасть. А эта штука, — он хлопнул по капоту, — убьёт вас и не заметит, если вы отдадите ей неверный приказ.

Первый урок начался с «Де Диона». Это оказалось сложнее высшей математики.

— Зажигание, — голос Жан-Клода звучал как метроном. — Устанавливаете опережение рычажком на руле. Слишком рано — искра ударит до того, как поршень поднимется, и пусковая рукоятка сломает вам запястье. Слишком поздно — мотор будет чихать огнем, но не потянет.

— Трансмиссия. Переключать передачи с хрустом — значит убивать шестерни. Исключительно с перегазовкой. Внимательно слушая ритм мотора.

Практика на пустыре за гаражом превратилась в пытку.

— Зажигание на пол-оборота. Берем рукоятку. Не обхватывайте ее большим пальцем! — рявкнул француз. — Если мотор даст обратный ход, останетесь без пальца. Дергайте вверх. Резко!

Одноцилиндровый мотор «Де Диона» кашлянул сизым дымом, выплюнул каплю масла на гравий и забился в истеричной, лихорадочной вибрации, которая передавалась через пол прямо в позвоночник.

— Плавно отпускаем конусное сцепление... Добавляем газ...

Машина дернулась, как ужаленная в круп лошадь, хрустнула шестернями и замертво заглохла.

— Вы вогнали ей шпоры, месье, — вздохнул Жан-Клод. — А у нее нет боков.

К концу первого дня спина Александра под суконным пиджаком была мокрой, а икры сводило судорогой от тугих педалей. Но когда он смог проехать по кругу, не заглушив мотор, в его глазах вспыхнул тот самый хищный, холодный азарт, с которым он когда-то шел в первую кавалерийскую атаку.

***

Две недели превратили Оболенского из наездника в механика-водителя. Он перестал пытаться «приказывать» машине. Он научился чувствовать момент сцепления конусов, ощущать жар перегретого масла и слышать нужную тональность двигателя для смены передачи.

На пятнадцатый день они выкатили «Панар».

Двенадцать лошадиных сил. Громадный, рычащий зверь с открытым цепным приводом. Когда Александр сел за тяжелый деревянный руль, он ощутил забытый трепет — то же уважение и липкий холодок страха, что и перед объездкой дикого ахалтекинца.

Их выезд в Париж стал боевым крещением. Дороги за пределами центра были чудовищны: глубокие колеи, булыжники, скользкая весенняя грязь. Машину швыряло, жесткие рессоры выбивали дух, руль рвался из рук с чудовищной силой. Оболенский лавировал между неповоротливыми omnibusами, распугивал сигнальным рожком стайки зевак и обгонял фиакры, оставляя позади клубы сизого дыма.

Ветер бил в лицо, слезил глаза сквозь защитные очки, мотор ревел, как живое существо. На мосту Александра III, вдавив педаль акселератора, он вдруг понял: Светлана была пугающе права. Это грубое, грохочущее, плюющееся маслом железо было неумолимо надвигающимся будущим.

***

К концу месяца гараж преобразился до неузнаваемости. Здесь появился свой автомир. Александр нанял братьев Пьера и Клода — бывших каретных мастеров, чьи руки быстро привыкли к гаечным ключам вместо рубанков. Вдоль кирпичных стен выстроились верстаки, стеллажи с запасными магнето, свечами зажигания, ряды пузатых канистр с бензином и бочки с густой смазкой. Появился даже новейший ручной насос с мерной колбой.

Вечером, когда братья уже ушли, Александр остался один. Он методично, с почти медитативным спокойствием протирал ветошью латунные масленки «Панара». В воздухе висела тяжелая взвесь из испарений каучука, бензина и остывающего металла.

В полосе света от ворот появилась Светлана.

Она молча обошла «Панар», провела пальцем по идеальному изгибу лакированного крыла.

— Ну как? — спросила она, вглядываясь в его испачканное сажей лицо. — Понравилось?

Александр бросил промасленную ветошь на верстак.

— До одури увлекательно. Иногда — унизительно, когда эта груда металла отказывается заводиться перед толпой зевак. — Он прислонился к капоту, чувствуя спиной его жар. — Это сродни первой атаке.

— А теперь представь, Саша, — Светлана подошла ближе, ее глаза блестели в свете тусклой лампы, — что через десять-двадцать лет таких машин будут тысячи. Они станут быстрее, надежнее. А через тридцать — миллионы. Они изменят войну. Они изменят мир. И лошади станут лишь красивой редкостью для парадов.

Александр медленно поднял руки. В трещины на коже, привыкшей к шелку поводов и холоду эфеса сабли, намертво въелась черная смазка. Руки кавалериста уходили в прошлое.

— Ты права. Империи рухнут. Будет война, о которой ты говорила... Но это, — он обвел взглядом застывших в темноте стальных чудовищ, — это колесо уже не остановить.

Он подошел к маленькому «Де Диону», задумчиво коснувшись холодной пусковой рукоятки.

— Знаешь, что самое странное? Я до одури скучаю по Горлику. По шелесту сена и теплоте дыхания лошади в конюшне. Но когда я сажусь за этот деревянный руль... я забываю обо всем. Это другая Сила. Бездушная, но абсолютно покорная, если ты знаешь ее законы.

Светлана подошла сзади, обняв его за плечи, прижавшись щекой к его спине.

— Ты научишь меня ездить?

Александр рассмеялся, и эхо его смеха растворилось в кирпичных сводах.

— При условии, что пообещаешь не пытаться шептать ей ласковые слова, как своему мерину. Машина заклинаний не понимает. Ей требуются лишь искра и топливо.

Они стояли в полутьме гаража, среди остывающих машин, которые дышали жаром и наступающим веком. А за толстыми стенами, кутаясь в осенний туман, спал старый французский городок Сен-Дени, еще не подозревая, что в его тихих улочках уже поселилось безжалостное и прекрасное Завтра.

И князь Александр Оболенский — блестящий драгун и коннозаводчик в прошлом — принимал этот новый мир. Как и прежде, он был готов встретить грядущие бури в седле.

Пусть даже отныне это седло было простегано красной кожей и носило клеймо «Panhard & Levassor».

Глава 3 Неприятности

Однако идиллию нашу омрачило растущее

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.